

— Не знаю, почему вы такъ ополчились на меня, — сказалъ Маркъ, — въ писаніи книгъ нѣтъ ничего положительно безнравственнаго. Но, я думаю, что въ этомъ частномъ случаѣ вы правы, дядюшка, и желаете мнѣ добра. Я принимаю ваше предложеніе. Буду усердно готовиться въ адвокаты, такъ какъ повидимому ни во что другое не гожусь.

— И общаешь не писать больше?

— Разумѣется, — раздражительно отвѣтилъ Маркъ, — все что вамъ угодно. Я исправился, я обязуюсь не прикасаться къ черниламъ во весь остатокъ моихъ дней.

То была не особенно любезная манера принимать такъ называемое выгодное предложеніе, но онъ былъ раздосадованъ и едва сознавалъ, чтó говорилъ.

Но м-ръ Лайтовлеръ былъ не изъ обидчивыхъ и такъ доволенъ, что поставилъ на своемъ, что не обратилъ вниманія на манеру Марка.

— Прекрасно, — сказалъ онъ, — значить, — рѣшено. Я радъ, что ты образумился. Значить, поѣдемъ на дачу и не будемъ больше говорить объ этомъ дѣлѣ.

— А теперь, — объявилъ Маркъ съ принужденной улыбкой, — я пойду къ себѣ на верхъ и займусь законовѣдѣніемъ.

V.

Сосѣди.

Слишкомъ недѣля прошла послѣ сцены на Малаховой террасѣ, описанной мною въ послѣдней главѣ, — недѣля, проведенная Маркомъ въ ярмѣ школьныхъ занятій, которыя стали ему еще противнѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ не могъ больше питать никакихъ иллюзій о близкомъ избавленіи. Онъ не въ силахъ былъ видѣть достойное вознагражденіе въ своихъ новыхъ ожиданіяхъ и начиналъ жалѣть о томъ, что согласился на предложеніе дяди.

Онъ отправился на дачу послѣдняго, и нескрываемое довольство м-ра Лайтовлера, очевидно смотрѣвшаго на него какъ на свою собственность, и его непрерывные совѣты ревностно заниматься дѣломъ, только усилили недовольство Марка самимъ собой и своимъ будущимъ. Съ чувствомъ досады шелъ онъ съ своимъ родственникомъ въ небольшую церковь, стоящую за деревней.

Былъ ясный, ноябрьскій морозный день; багроваго цвѣта солнце сверкало сквозь окрашенные пурпуромъ облака, и блѣдно-голубое